Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 36 Львовъ, 31 Серпня 1856. РОКЪ XI.

КОРОЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ

III. ЯРОСЛАВЪ.

(конецъ)

Вратиславъ поскочитъ якъ туръ ярый,
Сильною рукой схватитъ Вестона;
„Ты предателю! Ты скверно вѣчна!
Хочешь ли людъ добрый погубити?
Намъ отъ Бога милость ожидати,
Не въ неволѣ отъ Татаръ свирѣпыхъ.
Не стремѣтся, братья, во погибель!
Претерпѣли мы ужъ зной лютѣйшій;
Богъ намъ силы въ душне далъ полудне
Богъ съшлетъ уповающимъ намъ помощь!
Мужи! встыдъ для васъ, такъ говорити,
Если хочете геройми быти.
Если сгинемъ въ жаждѣ на семъ холмку,
То та смерть будетъ отъ Бога данна;
Если же поганьцамъ отдаемся,
То сами себе мы убиваемъ.
Мужи! Мерзость Господу неволя,
Грѣхъ ити въ неволю самохотно.
Кто такъ мыслитъ, мужи, гей за мною!
Гей за мною, предъ олтарь Пречистой!"

Множество за нимъ идетъ въ каплицу:
„Господи! О встань въ своемъ Ты гнѣвѣ!
Встань смирити вороговъ краины!
Господи, пріими моленье наше!
Ворогъ лютый обступилъ вокругъ насъ,
Избави насъ отъ Татарскихъ сѣтей,
Дай отрады, дай утробамъ нашимъ,
За то славу возсылати будемъ;
Истреби враговъ въ землицѣ нашей;
И изгладь ихъ нынѣ и во вѣки!"

Глянь! онъ облачко на знойномъ небѣ!
Вздули вѣтры, загремѣлъ громъ страшный,
Хмурна туча все покрыла небо;
Блискаетъ разъ по разъ въ станъ Татарскій,
Ливень наполняетъ студни холмка.

Ужъ минула буря — тягнутъ вои
Съ волостей и всѣхъ краинъ землицы,
Къ Оломуцу вѣютъ ихъ хоругви.
При бокахъ ихъ висятъ тяжки сабли,
На плечахъ ихъ тулы наполненны,
На ихъ буйныхъ головахъ шеломы,
А подъ ними скачутъ борзы кони.

Въ слухъ лѣсныи роги зазвенѣли,
И роздались звуки трубъ и бубновъ.
Обѣ стороны къ страженью наглятъ,
Порохъ облакомъ ся воздвигаетъ,
Вой встаетъ лютѣйшій, нежъ послѣдній,
Страшно острыи мечи хрустѣли,
Грозно стрѣлы калены шипѣли,
Пики чиркали, копья трещали.
Тамъ то ся кололи, и рубали,
Тамъ то плакали, и радовались.
Кровь валилась дождевымъ потокомъ,
Труповъ было якъ въ лѣсу деревья,
Сему въ двое голову розбили,
Сему обѣ руки отрубили,
Сей съ коня ся котитъ черезъ друга,
Сей молотитъ вороговъ свирѣпо,
Якъ бы буря по скалахъ деревья;
Сему въ сердце мечъ всверлилъ по ручку,
Сему же отстригъ Татаринъ ухо.

Охъ, былъ рыкъ, стогнанье жалостное!
Стали Христіане утекати,
Сталъ Татаръ за ними люто гнати.

Гой тутъ Ярославъ орломъ слетаетъ;
Твердая сталь на груди могущей,
А подъ сталью храбрость и удача;
Подъ шеломомъ вѣголосъ пребыстрый,
А съ очей розженныхъ прыщетъ ярость.
Люто гонитъ, якъ левъ роздражненный,
Коль лишь кровь свою почуетъ теплу,
Коль пострѣленный за ловчимъ гонитъ;
Такъ стремится онъ въ Татары люто.

Чехи тутъ за нимъ якъ градъ слетѣли.
Круто на Кублаевича грянулъ,
И прелюта битка закипѣла.
Оба ся сразили копіями,
Оба ихъ сломили съ трескомъ грома.
Нагло Ярославъ, съ конемъ весь въ крови,
Захватилъ мечемъ Кублаевича,
И протялъ отъ рамени до бедеръ,
Ажъ безъ духа палъ Татарь межъ трупы,
И загрохоталъ надъ нимъ тулъ съ лукомъ.
Весь Татарскій лютый людъ уляхся,
Отметаетъ сажень — долги пики,
Убѣгаетъ, кто бѣжати можетъ,
Гдѣ то ясное восходитъ солнце,
И такъ отъ вороговъ свободна Гана.

Третяя выпись съ записокъ второго путешествія съ Рима въ Іерусалимъ совершенного гр. священникомъ каѳ. церкви Ипполитомъ Терлецкимъ —

ОДИНЪ ДЕНЬ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

(Продолженіе)

Подлѣ сада съ юго-восточной стороны есть великій камень, гдѣ три апостолы Петръ, Іоаннъ и Яковъ, которымъ Іисусъ отходя на молитву въ печеру повелѣлъ тутъ ждати и молитись, уснули и твердымъ сномъ спали, трикраты будящему ихъ Іисусу; съ южной же стороны сада показуютъ старинное дерево, при которомъ, якъ несетъ преданіе, Юда съ апостола и ученика врагъ и измѣнникъ, поцѣлуемъ издалъ Іисуса Жидамъ. Есть еще съ сѣверной стороны мѣстце, гдѣ якъ розказуютъ, возносимой со хвалою на небо пресв. Богородицѣ, апостоломъ же молящимся и славящимъ Бога, св. Ѳома получилъ подарокъ пояса ей святого.

Немножко повыше сего сада съ сѣверной стороны починается долина Іосафатова, которая протягается къ югу между горами оливною и соблазненія отъ востока, а Моріею отъ запада. Серединою ея течетъ ручей Кедронъ, по большей части безводный; зимою же, когда тутъ ливны тучи бываютъ, собираются и стремительно текутъ нимъ мутныя воды съ горъ. Въ св. писаніи долина тая именуется: Саве, царскою, Мелхиседека; отъ времени же, коли царь жидовскій Іосафатъ создалъ здѣсь для себе надгробный памятникъ, прибрала она имя его. Поглядъ на ню есть очень сумный. По обѣимъ сторонамъ выступаютъ горы нагія, скалами покрытыя, изъ стороны же восточной темно-червонавыя. Рѣдко лишь гдѣкуда заглянешь якое дерево да малы корчи иссопа, или зелія тулиповъ, то ломища якихъ старинныхъ каплицъ или мечетовъ. Великая ея часть покрыта надгробными каменами Жидовъ. Ибо отъ давенъ давна былъ у нихъ обычай здѣсь хоронитися, да и теперь стягаются они съ всѣхъ сторонъ свѣта, тутъ почити на землѣ праотцевъ своихъ, которую иностранецъ продаетъ имъ цѣною золота.

Мало найдешь на свѣтѣ мѣстцъ да именъ, которыи бы наводили на память человѣчу думки такъ сердечныя, сумныя и ужасающія; якъ имя сей Іосафатовой долины. Здѣсь то царь Содомскій притекъ посчастити Авраама о побѣдѣ его надъ пятью царями; тутъ царь Давидъ сочиналъ свои святыя сумныя пѣсни пока-

анныя; здѣсь роздавался болестный плачъ Їеремїи; на сей долинѣ жиды во время грѣшного заблвенїя приносили жертвы и покланялися лживымъ Богамъ Молохови и Веельфогору; тутъ пророка Ісаїю повелѣнїемъ безбожного царя Манассїи деревянною пилою перерѣзали на двое. Но болѣе всего здѣсь пренебинный, пресвятый агнецъ Божїй, сей новый вѣчный царь началъ свои преболестны страсти, искупленїя нашего ради отъ вѣчной смерти, орошая сїю землю сердечными своими слезами и кровавымъ потомъ; тутъ также по реченїю пророка Іоиля сбудется день великїй Господень, день тьмы и бури, день облака и мглы, позорище ужасного послѣднаго суда, коли Царь вселенскїй Іисусъ прїйдетъ съ небесъ въ сїянїи божественной своей славы, судити живымъ и мертвымъ: „Да востануть и взыдуть вси языцы на юдоль Іосафатову, яко тамо сяду разсудити вся языки, яже окрестъ.“ (Іоиль гл. 3. ст. 12.)

Спускаясь долиною Іосафата къ югу на якихъ 400 шаговъ повыше сада оливного встрѣчается мостъ на Кедронѣ. Преданїе несетъ, что коли связанного Господа Іисуса вели съ сада оливного до дворца архїерея, тутъ скинули его съ моста. Показуютъ на камени слѣдъ пресвятого тѣла его тамъ, гдѣ оно упало. Подлѣ сего моста отъ стороны горы оливной стоятъ старинны надгробныи памятники. Первый съ ряду естъ царя Іосафата. Сходилося до него степенами подъ землю, гдѣ въ скалѣ были выкованны гробовыя свѣтлицы съ заглубленїями на тѣла. Теперь жиды закидали его совсѣмъ каменями, да уже не можно нїякъ внутрь внийти. — Близенько стоитъ другїй памятникъ. Авесаломъ, сынъ царя Давида, создалъ его для себе, но якъ вѣдомо изъ исторїи, не былъ къ немъ похороненъ погибши въ мятежѣ, которого поднесъ противъ своего отца и царя. Выглядаетъ онъ будьто якая хижинка четыреугольная съ верхомъ сдѣланнымъ по подобїю хинскихъ кїосковъ. Сїе къ немъ естъ особливое, что цѣлый кромѣ верха съ одной брылы родимой скалы выкованный, съ которой также и столбы со внѣ его украшающїи суть изтуканны. Въ серединѣ естъ выкованная гробовая свѣтлица, но теперь подъ верхъ закидали ею жиды каменями, такъ что съ тяжкостью лишь судужали мы тамъ влѣзти отворомъ сзади созданїя находящимся. Верхъ сдѣланный съ великихъ каменей уложенныхъ одни на другихъ, и лишь гдѣ не приставали до себе, слѣпленныхъ известью. Помежь сими каменами узкимъ переходомъ вдрапалися мы подъ самъ верхъ, гдѣ находилось немножко пространнѣйшее мѣстце. Розсказуютъ, что царь Соломонъ сберегалъ здѣсь свои сокровища. — Надъ дорогою, подлѣ которой стоятъ тѣ два памятники, а котора ведетъ до села Силоамъ, немножко болѣе къ югу находится памятникъ нареченный гробъ св. Якова. По преданїю тутъ сохранялись Апостолы въ время страстей Господа Іисуса Христа, послѣ же убитїя св. Якова, первого Іерусалимского владыки, тутъ похоронили его тѣло. Естъ онъ цѣлый выкованный въ высокой скалѣ, которой западная стѣна обернена къ Кедрону, и лишь остаются отъ ней выкованны столбы порядка дорического. Внутрь входится темною сѣнїю выкованною въ скалѣ, котора вводитъ до свѣтлой комнаты, ейже западную стѣну творятъ помянутыи столбы. Она даетъ входъ до другихъ темныхъ

печеръ, гдѣ были гробы. — Подлѣ сей скалы стоитъ памѧтникъ нареченъ Захарїѧ, ꙗкъ домнѣваютсѧ, оубитого междȣ олтаремъ и жертовникомъ, о которомъ Їисȣсъ Христосъ споминаетъ въ евангелїи. Такъ ꙗкъ Авсалома выкованный онъ съ одной брылы скальной, и есть емȣ подобный, лишь что верхъ имѣетъ пирамидальный видъ. Немогли мы достатисѧ до середины, ибо не имѣетъ онъ дверей.

(П. с,)

ȢТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженїе).

„Що ѧ слышȣ! о мой Боже! . . тамъ кровь — обида — сирота . . . то не возможно! — Вы оставлѧете мнѣ мои провины? Вы?! Ахъ приближитесѧ, да оуцѣлȣю Васъ къ рȣкȣ и ноги!” . . . . .

. . . .

Долго продолжаласъ таѧ чȣвствительнаѧ бесѣда, въ которой возмогъ Отто цѣлое теченїе емȣ доселѣ незнакомыхъ отношенїй ꙗсно оуразȣмѣти; — съ сердечнымъ откровенїемъ принимала Анна достойного гостѧ черезъ два дни, но ꙗкаѧ то сȣмна дȣмка и мрачна тревога занала дȣшȣ дѣвички испытавшей онȣю горькȣ сȣдьбȣ, щобы изъ рȣкъ гоненной жертвы щедрыи подарки благодѣѧнїѧ принимати.

X.

Ꙗкъ то дивно ведетсѧ въ великомъ мїрѣ! Величественное времѧ оупразднѧетъ даже и глȣбочайшїи раны сердечныи и дȣшевныи, заживлѧетъ всѣ стрȣны неизлечимыи нашего естества и несетъ на крылахъ забвенности всѣ тоски по за нашъ горизонтъ! И ктожъ есть въ состоѧнїи емȣ опертисѧ? когда оно своею великанскою крѣпостїю тысѧчилѣтнїи зданїѧ разрȣшаетъ, вѣковыи царства низвергаетъ и порохъ мимошедшихъ родовъ сметаючи надъ ихъ оурнами новыи племена воздвигаетъ, когда оно на одномъ оуглȣ мїровъ воздвигаетсѧ, а на дрȣгомъ въ мгновенїи почиваетъ, когда оно въ своемъ лонѣ разрȣшенїе съ воскресенїемъ соединѧетъ?!

Если потомȣ желѣзнаѧ природа, если дȣхъ цѣлыхъ народовъ не есть въ состоѧнїи опертисѧ разрȣшительномȣ дыханїю времени, сколь меньше возможетъ тое единственный человѣкъ, весьма слабое естество сдѣлати?! Такъ то! Ꙗкъ бы чародѣйнымъ злоприключенїемъ забываетъ человѣкъ на сами печальнѣйшїи сцены изъ своей жизни! Тȣтъ молитсѧ ревными слезами при свѣжей могилѣ своихъ дражайшихъ лицъ, — а не задолго плѧсаетъ онъ же самъ въ бѣшенномъ хороводствѣ мїрскихъ наслажденїй! Гдѣжъ есть постоѧнность, гдѣ тверда рѣшительность? Но равное выплачȣетсѧ равнымъ! Скончаетсѧ въ мгновенїи и тотъ самъ человѣкъ, а памѧть его помчитсѧ отъ земли съ вѣтрами гдѣсь, гетъ! гетъ! къ далекїй край, и не минетъ одинъ родъ, ꙗкъ ниже одна дȣша застогнаетъ воспоминанїемъ за своимъ искреннимъ . . . родственникомъ!

*

* *

Кто съ родимцевъ не вѣдаетъ или не слышалъ гдѣ що о городскомъ карнавалѣ! — Который свѣдомый древнихъ благородныхъ нравовъ похвалитъ тое шалѣющее движенїе мїрской светы и сластолюбивыхъ развеселенїй? Истинно! каждый

тронꙋтый истиннымъ понѧтїемъ Христїанства, не можетъ въ тѣхъ крайностѧхъ благоволенїе имѣти, ниже съ дрꙋгой стороны всѧкїи знаменїѧ радости немилосердно проклинати!

Были то времена — старинны, исполненныи героами во всѧкихъ добродѣтелѧхъ, времена изрѧдны, въ нихже не стыдались правовѣрны высшихъ классъ храмы божїи посѣщати, въ нихже соединѧлась храбрость съ сердечнымъ благоговѣнїемъ; — коли вельможи смирѧлись оу степеней олтарѧ Господнѧ, коли счастїе домашнее дивнымъ возращенїемъ процвѣтало, коли давалосѧ совершенно погодити семейное или народное розвеселенїе съ примѣрнымъ почитанїемъ Бога и съ честїю длѧ ближнаго!

Но минꙋли вѣки, и минꙋли съ ними пестро-цвѣтны картины домашнихъ добродѣтелей, а на порохꙋ нашихъ предковъ воздвигсѧ по большей части родъ изнѣженный, валѧющїйсѧ въ сквернахъ оужасного сластолюбїѧ. И благодарити должны есьмы Бога, що въ томъ прескорбномъ помраченїи оумовъ еще сїѧютъ жаркїи свѣтила дꙋшевной бодрости, — свѣтила дѣлающїи, щобъ мракъ простертый по горизонтѣ не претворилсѧ въ грꙋбꙋ мглꙋ; но о сколько таковыи мꙋжи ѧснѣютъ бꙋдьто вѣстители скорого божїѧ милосердїѧ, тѣмъ болѣе въ чернѣйшихъ видахъ выглѧдаетъ цѣлаѧ толпа безꙋмныхъ, плѧсающихъ въ видѣ демоновъ, на доскахъ житейского зрѣлища!

И есть-ли отже тꙋтъ що дивного, що даже благородное и непорочное сердце помрачаетсѧ часомъ въ такихъ обстоѧтельствахъ и подъ вредливымъ веденїемъ непрїязненного воспитанїѧ? Есть-ли въ томъ щось непонѧтного, що человѣкъ-ангелъ возможетъ иногда поскользнꙋтисѧ на пꙋти добродѣтели, и благоволенїе Отца небесного оутратити, коли даже дꙋхи-ангелы не остановились всѣ въ надземныхъ обиталищахъ!

Такъ! неизслѣдимое есть человѣческое сердце, такъ ѧкъ пꙋти божїи неизслѣдимы сꙋть, а ктобы дерзнꙋлъ надъ такимъ оуспособленїемъ человѣческимъ негодовати, тѣмъ самимъ имѣлъ бы оужасное приткновенїе въ величествѣ божїемъ! —

* * *

Надошелъ былъ оуже послѣднїй день карнавала, день крайнѣйшихъ развеселенїй, и бꙋдьто бы природное житїе въ несогласїи было съ нравственнымъ житїемъ, бѣсновалась снѣжно-дождеваѧ метелица по городскихъ оулицахъ.

„Нꙋжъ люба Анно! чегожъ такъ задꙋмчиво сидишь?" воскрикнꙋла звонкимъ голосомъ Амалїѧ входѧщаѧ въ комнатꙋ Анны, „ай! ай! вотъ дꙋмалъ бы ктось, що тꙋтъ ѧка инокинѧ обитаетъ! Такъ сꙋмно, такъ глꙋхо оу Тебе, що даже тїи стѣны и образы видѧтсѧ движенїе имѣти, и твою комнатꙋ оживлѧти! И ѧкъ же моѧ сестро! дꙋмаешь-ли въ тотъ послѣднїй день запꙋстъ тꙋтъ въ задꙋмчивости высидѣти, когда цѣлый свѣтъ по балахъ и редꙋтахъ шатаетсѧ?"

— „Що Тебѣ всегда въ головѣ! моѧ Амалїо! ты есь сотворенною только длѧ розвеселенїй, и оу тебе нѣтъ ни поста ни днѧ печали; но кто иный не есть въ состоѧнїи равнымъ шагомъ съ тобою ити!" сказала Анна, востаючи изъ своего оудобного сѣдалища, и замыкаючи прежде отвертꙋю книжечкꙋ въ рꙋкахъ держимꙋю.

„О! ты моѧ малаѧ философко! ты

имѣешь всегда тысячь обиняковъ въ твоихъ оумозрѣтельныхъ загадкахъ! И якую-то книжку читала ты въ моемъ отсутствіи? можетъ быти, що захотѣлося тебѣ скучное оутро якимъ то романомъ Евжена Сю въ развлеченіе провести!"

— „О нѣтъ! то не есть романъ?" отвѣчала Анна, заикаючись, и зарумянившися по оуши ложнымъ стыдомъ.

„И щожъ ты читала? скажи мнѣ моя голубко!"

— „Та то есть молитвословъ! и я, хотѣла не много молитися; иво видишь люба Амаліо, якая тамъ бѣда на дворѣ, що даже за порогъ выйти не возможно; а мнѣ якось за сердце стискаетъ, понеже не могу по моему ежедневному обыкновенію и нинѣ Службу Божу посѣтити!" говорила Анна,ниспустивши очи къ земли, знаючи оуже напередъ, що жаркая обожательница житейскихъ наслажденій сейчась роспустить свой ротъ въ терпкой насмѣшцѣ.

„Ай! ты мала биготко! якъ можно свои найкраснѣйшіи лѣта такъ безкорыстно пропускати?! Вмѣсто держатись оусмѣхающейся способности, пока она существуетъ, вмѣсто съ ровесницами своими понимати задачу женского пола, заступаетъ моя подружка опороженное мѣсто легкодушныхъ инокинь, и плачетъ между розовыми цвѣтами надъ своими грѣхами, которыхъ не имѣетъ! И гдѣжъ то твой юный вѣкъ, гдѣ твоя красота, могуча обладати цѣлымъ роемъ юныхъ приверженцевъ? — щожъ ты на тое, моя ты милосердна сестро! Вотъ пусти тіи гадки принадлежащіи монаснастырю „La Trappe" и пользуйся временемъ; зачѣмъ еще не минаетъ; . . . а пріидетъ скучная старость, о! тогда то можешь оуже и по цѣлыхъ днахъ молитися, иво оуже и видѣти не будешь тіи то красныи дни, той золотый вѣкъ юныхъ розвеселеній!". . .

Такъ болтала пустая Амалія, и каждымъ своимъ ядовитымъ словомъ впускала якіись то вредливый напытокъ въ чисту душу своей подружки. Бѣдная же Анна, поддавшися совершенно подъ протекторатъ своей лихой приверженницы, когда слышала тіи слова, то блѣднѣла то румянилась въ минутныхъ движеніяхъ, наконецъ оустремивши свой оудивленный кзоръ въ Амалію, не могла ніякимъ способомъ до слова пріити. . .

„И ты думаешь, моя сердечнѣйшая Анно, що я тебѣ басни плету; о нѣтъ! суть то правды, которыи заступаютъ днесь мѣсто кодекса по салонахъ! Кромѣ того, можешь-ли ты, мое сердце, даже гадати, що бы я тебѣ моей единственной подружцѣ якіись ложныи вещи болтала?!" — вопросила замаскованнымъ движеніемъ чувствъ льстивая Амалія.

— „Люба подружко! ахъ я вѣдаю, що ты единственною есь, которая мнѣ добре желаешь, но часомъ скажешь мнѣ щось такого, що не дастся погодити съ моими понятіями, высcаными отъ дѣтства изъ лона матери!"

„Ба! ты должна вѣдати, що ты не есь долше на томъ зрѣлищѣ великого свѣта, якъ нѣсколько тыжденей! Прежде томилась ты, якъ тое сама мнѣ казалась, въ бѣдствіи и въ печали; тому загостивши изъ нужденной хижины въ модный, салонъ, ты есь еще не свѣдомою съ правилами нашей веселой жизни, и не одно дѣло, которое тебѣ выдается теперь дивнымъ или бѣшеннымъ быти, выплываетъ всенужно изъ правилъ высшаго сожитія! И якже, можешь-ли ты чудитися, що ты

ꙗко оученица безъ вѣрной помощницы, ниже одного шага на томъ зрѣлищѣ великого свѣта сдѣлати въ состоꙗнїи не есь?!"

— „Гм! ты истинно говоришь, — да бꙋдетъ! но мнѣ крꙋтитсꙗ ꙗкось голова въ вашемъ дрꙋжествѣ!"

Ꙗкъ змѣꙗ надъ своею добычею исполнилась обманчиваꙗ Амалїꙗ рѣдкимъ оудовольствїемъ, коли замѣтила, що ей жертва оуже цѣлкомъ обнꙗта невидимою сѣтью своего льстивого ꙗзыка.

„Нꙋжъ ободрись, моꙗ сестро! ꙗкъ мнѣ видитсꙗ, мы должны нынѣ равно развеселатисꙗ съ нашими ровесницами; и ꙗкъ ꙗ оуже слышала, текꙋтъ днесь всѣ цѣлыми роями на масковый балъ! И щожъ? мое сердце! изволишь-ли ты со мною до веселого союза нашихъ ровесницъ прилꙋчитись?"

— „Если такое есть Твое оусердное желанїе, чемꙋжъ нѣтъ? Таже ꙗ знаю, що ты мнѣ ничего злого не желаешь?!

„Вотъ! то мнѣ истинна подрꙋжка Такъ! теперь любю тебе цѣлымъ сердцемъ моимъ болѣе надъ мое житье, коли такое достовѣрїе во мнѣ полагаешь, люба Анно!"

— „Добра Амалїо, ахъ! не вѣдаешь, ꙗкимъ то чародѣйнымъ дѣломъ мое сердце за тобою всегда бажаетъ!"

„Сердечна подрꙋжко! о ты еще не разъ довѣдаешьсꙗ о моихъ широ-желательныхъ намѣренїꙗхъ взгладомъ тебе!" розговорилась льстива Амалїꙗ, цѣлꙋючи не осторожнꙋ и въ беззаботности легковѣрнꙋ Аннꙋ; „и такъ, еще днесь должна ты оузнати въ твоей подрꙋжцѣ твою единственнꙋ приверженницꙋ! Но мы заколтались при счастливыхъ волненїꙗхъ нашихъ чꙋвствъ, зачѣмъ время минаетъ, и оуже первый часъ по полꙋдни! Нꙋжно оуже намъ погадати о строѣ нынѣшнꙗго маскового бала. И въ ꙗкомже оуборѣ хочешь ꙗвитисꙗ днесь вечеромъ междꙋ масками, моꙗ голꙋбко! желаешь-ли въ видѣ ꙗкой матроны изъ минꙋвшаго столѣтїꙗ, или въ оуборѣ амазонки, краковꙗнки, домина, или въ ꙗкомъ иномъ нибꙋдь оустроитись? ꙗкъ тебѣ есть оугодно?"

— „Ꙗ дꙋмаю, що оуборъ ꙗкой-то сельской женщины мнѣ найлꙋчше понравилъ бы сꙗ!" отвѣчала прельщенна Анна; однакожъ отбивалсꙗ въ ей словахъ еще ꙗкїй-то начеркъ мирной непорочности.

„А! що за дивна идеꙗ! въ кафтанѣ подданки въ крꙋзѣ достойныхъ лицъ ꙗвитисꙗ! шꙋтишь моꙗ люба?

— „О! нѣтъ, Амалїо! ꙗ не знаю, що за сила мене всегда въ стороны сельской свободы тꙗгнетъ! Но ꙗкже ты дꙋмаешь? въ ꙗкомъ видꙋ имѣю нарꙗдитисꙗ?"

„Послꙋшай ино мене, а пересвѣдчишь сꙗ, що ꙗ тебѣ добре желаю! Вотъ, що то мнѣ за оуборы, такъ нꙋжденно изцарапанны въ тѣхъ нашихъ временахъ! Що то за мода? що то за строи? въ нихъ же человѣкъ ꙗкъ бꙋзько выглꙗдаетъ?! О! была то нѣкогда мода величественнаꙗ, мода въ своемъ совершенствѣ, коли женщина высшаго тонꙋ цѣлкомъ отличалась во своихъ оуборахъ отъ той толпы низшаго сословїꙗ! Гдѣ то тѣ времена! А теперь? Гм! теперь трꙋдно есть распознати вельможꙋ отъ слꙋжанки; вельможа ходитъ въ капелюхꙋ, а слꙋжанка малпꙋетъ такожъ свою госпожꙋ! Ай! ай! оуже неразъ ꙗ желала себѣ, щобы минꙋвшїи времена вернꙋлись. — но гдѣжъ! и только въ моемъ раздꙋмїи носитсꙗ онаꙗ стариннаꙗ мысль! Но щожъ нынѣ

карнавалъ, и я желала бы, щобы мы обѣ на нынѣшнемъ балю въ старинномъ убиорѣ минувшаго столѣтія явилися, а не увѣришь, якъ много вниманія мы въ всѣхъ зрителяхъ произведемъ!"

— „О вниманіе мнѣ не ходитъ, но только о честну забаву; впрочемъ видится мнѣ быти тая думка весьма загорѣлою и не возможною до введенія ея въ дѣйствіе. . .

„Ей! що не возможно! Ты будешь смѣятися, но вотъ, я уже думала о семъ мѣсяцъ напередъ и постаралася о приличныи уборы для насъ обоихъ! —

— „Що за неспокойный духъ ты есь моя Амаліо! Ты держишься всегда крайности!"

„Но и щожъ, моя малая голубко! не сдѣлаешь днесь красну капусту, егда устроишься „á la Pompadour"?

(П. с.)

ЛЬВОВЪ 30 Серпня (11 Вересня) Хорошее дѣло само себе хвалитъ, а почитающій себе человѣкъ въ слѣдствіе сознанія нравственного своего достоинства, неотмѣнно и отъ иныхъ лицъ почитанъ будетъ. Суть то двѣ истины, которыя свое существо найлучше въ общей жизни народовъ показуютъ. Мы Русины воспрянули отъ мрачного сна душевного, плекаемъ и образуемъ нашъ материй языкъ, покровительствуемы могущественнымъ скиптромъ австрійской державы искренно бажаемъ народного просвѣщенія, и потому сооружаемъ тотъ неразрушимый столбъ нашего отрожденія: Народный Домъ. Послухаймы теперь для потвержденія выше реченного, якъ о томъ народномъ домѣ австрійска газета, посвященни словесности и искуству, въ Ч. 35 с. г. говоритъ: „Коммиссія завѣдывающа дѣлами дома народного и второй городской гр.кат. церкви во Львовѣ, обнародовила предложеніе счетовъ за года 1853 и 1854. Съ того узнаемъ, что доходы его отъ 1. Сѣчня 1850, яко отъ начатка денежныхъ вкладовъ до послѣдняго Грудня 1854 всего 51.903р. ср. 52крей. выносили; именно же въ послѣднихъ двохъ годахъ т. е. 1853 и 1854 сумма всѣхъ доходовъ была 10106р. ср. 1½кр. Вв пять годахъ вкладовъ видано 49,654 р. ср. 38кр., итакъ осталось съ послѣднимъ Груднемъ 1854 въ казнѣ 2249р. ср. 14 крей.; тая то остальная сумма въ году 1855 такъ помножилась, что уже одно крыло народного дома, который яко велелѣпное зданіе нового стиля зодчества и украшеніе Львова града повсюда величается, для первой русской взоровой школы вынанято. Народный Музей, яко часть народного дома, сподобляется рачительного жертволюбія Русиновъ; уже теперь видно въ немъ хорошее собраніе минераловъ, нумисматическихъ предметовъ, физикальныхъ снарядовъ и пребогатую библіотеку. Въ новѣйшемъ времени Его Величество Царь Фердинандъ значительную запомогу состоящую въ 1000р. ср. русскому народному Дому всемилостивѣйше подаровалъ; а священникъ русскій и докторь медицины Ипполитъ Терлецкій послѣ розшествія славянской семинаріи въ Парижѣ жертвовалъ упомянутому Институту розличную утварь цекровную и библіотеку въ 1000 томахъ, которое все 8000 франковъ (3200р.с.) цѣнитъ. Вократцѣ должна Галиція сподобитися благословеній того народного дома, который свое первоначало высокому Монарху Франциску Іосифу подарованьемъ розвалинъ когдашняго всеучилищного зданія и площади Русинамъ Львова града завдячуетъ, и послужитъ поощрительнымъ бодиломъ русскому народу къ душевному его образованію." И такъ розходятся достохвальны наши усилія тою ученою газетою по всей Имперіи; но еще разъ повторяю, дѣло дома народного роспочатое; но не усовершенное; потому не униваючи крѣпимъ и мужаймыся, а Всевышній воздающій благая покрѣпитъ насъ и увѣнчитъ благоуспѣшно наши дѣла!

Н. К—ій

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.

Nicolaus Sawczynski